

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-2

Рязанова С. В.

**Православный епископ как персонаж,
миф и симулякр в высказываниях
пермских верующих**

Пермский научный центр УрО РАН
ул. Мира, 26, Пермь, 614066, Россия
svet-ryazanova@yandex.ru

*Статья поступила 3 сентября 2018 г.; Принята 15 сентября 2018 г.;
Опубликована 30 сентября 2018 г.*

Аннотация. Исследование посвящено особенностям восприятия православными верующими, принадлежащими Русской православной церкви Московского патриархата на территории Пермского края высшего регионального духовенства: основным мотивам, системе аргументации, факторам, определяющим стратегию формирования образа предстоятеля. Особенности представлений о руководителе местной православной церкви фиксируются в трех аспектах: сущностные представления о главе митрополии на абстрактном и персональном уровне, делегирование предстоятелю фиксированного набора функций и определение границ повиновения ему. Складывание спектра суждений о предыдущих архиереях и нынешнем митрополите рассматривается как возникающее на стыке бытового религиозного мировоззрения, набора элементов рационального дискурса и стереотипов традиционного и современного менталитета постсоветских верующих. Имидж владыки представлен как результат воспроизведения форм традиционных представлений о духовенстве, деятельности светской системы образования и средств массовой информации, скорректированной антирелигиозной политикой советского периода. Место высшего духовенства в религиозном пространстве индивида рассматривается как слабо определенное, не имеющее большого значения для реализации религиозных потребностей, что обусловлено тенденцией приватизации религиозной жизни в современном российском обществе. Текст построен на данных мониторинга религиозного пространства Пермского края с 2014 по 2018 гг. с использованием методики полуструктурированного интервью с интерпретацией данных на основе принципов герменевтического анализа текста.

Ключевые слова: православие; верующие; религиозное сознание; епископ; митрополит.

Информация для цитирования: Рязанова С. В. Православный епископ как персонаж, миф и симулякр в высказываниях пермских верующих // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 3. С. 14-28. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-2.

Svetlana V. Ryazanova

**Orthodox Bishop as a character, myth
and simulacrum in the statements of Perm believers**

Perm Scientific Center of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences
26 Myra St., Perm, 614066, Russia
svet-ryazanova@yandex.ru

Received on September 3, 2018; Accepted on September 15, 2018; Published September 30, 2018

Abstract. The research describes the features of perception of the highest regional clergy by orthodox believers belonging to the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchy in the Perm region: the main motives, the system of the argument, the factors defining the strategy of formation of an image. The features of the ideas about the head of local Orthodox Church are fixed in three aspects: intrinsic ideas of the head of a diocese at the abstract and personal levels, attributing to the bishop a fixed set of functions, and the definition of boundaries of obedience to him. Making a range of judgments of the previous bishops and the current metropolitan is considered as a set of elements of a rational discourse and stereotypes of traditional and modern mentality of Post-Soviet believers, arising at the junction of the popular religious worldview. The image of the reverend is presented as a result of reproduction of forms of traditional ideas of clergy, activity of the secular education system and mass media, and the corrected anti-religious policy of the Soviet period. The place of the highest clergy in religious space of the individual is considered as poorly defined, with low importance for realization of religious requirements. This situation is caused by a tendency of privatization of religious life in contemporary Russian society. The text is based on the data of monitoring of religious situation in the Perm region from 2014 to 2018, using the semi-structured interview technique with interpretation of data with principles of the hermeneutic text analysis.

Keywords: Orthodoxy; believers; religious consciousness; bishop; metropolitan.

Information for citation: Ryazanova, S. V. (2018), "Orthodox Bishop as a character, myth and simulacrum in the statements of Perm believers", *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), 14-28. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-2.

Введение (Introduction). Любой социальный объект имеет две ипостаси – идеальную, основанную на менталитете, наборе идей и стереотипов, и реальную, иногда в значительной мере отдаленную от метафизического образца и даже слабо его напоминающую. В отношении религиозного пространства этот разрыв особенно заметен, поскольку идеальные каноны и связанные с ними субъекты, феномены и институты по самой своей природе не могут быть апплицированы в физическом мире без деформаций и искажений. А. А. Панченко справедливо отмечает: «Многие ис-

следователи... явно или скрыто предполагают, что христианство (или его отдельные этнокультурные формы – православие, католицизм и т.п.) есть не что иное, как строгое и последовательное учение, основанное на экзегетике и других отраслях богословия, каноническом праве, обрядовых предписаниях и поддерживаемое той или иной церковью. Что касается тех форм религиозной жизни, которые не укладываются в подобную структуру, то они автоматически объясняются «суевериями», «сектантством» или «язычеством». Иными словами, то, что не имеет официального конфессио-

нального статуса, объявляется нерелевантным религии как таковой. Даже сам термин «народная религия» в этом смысле представляет собой конструкт, обязанный своим появлением влиянию определенных институций» (Панченко, 2004: 68), поэтому получается объективно справедливее предполагать, что «говоря о Церкви и каноне, мы апеллируем не к чему-то целостному и неизменному, но к нашим представлениям о целостности и неизменности. И эти представления, и соотносимые с ними концепты могут существенно варьироваться как исторически, так и синхронно» (Панченко, 2004: 74).

Аберрация реальных религиозных объектов и субъектов относительно положений священного писания и канонических норм варьируется в зависимости от природы культурного феномена, исторического и политического контекста и конкретного персонажа (Stump, 1986: 209; Asad, 2008: 124; Satlow, 2005: 287-298; Kirpenberg, 2000: 222). В значительной мере это касается и высшего духовенства в отечественном православии, претендующего на вхождение в духовную и интеллектуальную элиту современного российского государства. Стратегия и тактика в занятии этой позиции должны стать объектом отдельного обстоятельного исследования. Нам представляется, более любопытным вопрос о том, насколько сообщество мирян готово к желательному для высшего клира восприятию сановников церкви. Это любопытство вполне оправдано, будучи определенным набором исторических обстоятельств: атеистическая политика советского государства привела не только к размыванию церковных кадров. К периоду застоя сформировалась большая группа населения, не только индифферентно относящаяся к религиозным вопросам, но и обладающая ничтожно малым объемом знаний о православии как религиозной системе, воспринимающая духовенство через призму представлений о социальном неравенстве, отсталости и мракобесии. В обиходе отсутствовали произведе-

дения литературы и искусства, позволявшие на массовом уровне транслировать если не положительный образ священнослужителя, то хотя бы набор стандартных представлений об этом субъекте социального пространства. В незначительной мере такими знаниями обладали воцерковленные прихожане, которых в условиях закрытия большинства храмов было совсем немного.

Формально изменившаяся в конце прошлого века ситуация с положением религиозных организаций не привела автоматически к росту уровня осведомленности не только слабо заинтересованных в религиоз-

ж
и
з
н
и

г
р
а
ж
д
а
н

(
Д
у
б
и
н

Важным для исследования представлений о духовенстве представляется набор факторов, определяющий формирование образов (Рязанова, 2005: 44), а при этом, с ее образам в мой церковь предположительно, банально, клирикам, не имея ни малейшего представления о традициях и между священнослужителями и мирянами ряд проследованная, гражданская, именуется вера. Неэтикетика, более бурная, оказавшись в чуждой среде, инициативу возрождения церковной структуры, преодоления кадрового дефицита и формирования новой сети приходов. Российский прихожанин оказался не готов погрузиться в церковную и околоцерковную жизнь полностью, соотнося религиозные потребности с другими аспектами своего существования

определенности должны стать представлением о высшем духовенстве на местах. Образ главы РПЦ МП также заслуживает внимания, но в этом случае отдаленность мирян является абсолютной, превращающей реального персонажа в виртуальное изображение, в отличие от глав епархий, в чьей физической природе у прихожан есть шанс удостовериться.

Методология и методы (Methodology and methods). В отношении Пермского края необходимость осуществления исследования православного сообщества подкрепляется фрагментарностью изученных аспектов истории Русской православной церкви в регионе. В настоящее время имеется ряд работ популярного и научного характера, как правило, посвященных частным проблемам, либо отдельным историческим периодам в развитии РПЦ в регионе (Вяткин, 2000; Православие в судьбе Урала и России, 2010; Прикамский народный собор, 2009; Прикамский народный собор, 2013). Особо стоит отметить труды М. Г. Нечаева (Нечаев, 2004), А. Н. Марченко (Марченко, 2011; Марченко, 2005; Марченко, 2007), В. В. Лавринова (Лавринов, 2007; Лавринов, 2001), П. Н. Агафонова (Агафонов, 1996; Агафонов, 1997а; Агафонов, 1997б; Агафонов, 1997в; Агафонов, 1997г; Агафонов, 2002), часть из которых является профессионально ангажированными и затрагивающими только исторический аспект пермского православия. В настоящее время не существует ни одного труда, посвященного особенностям функционирования соответствующих религиозных институтов.

Теоретический каркас работы сложился благодаря выходу ряда работ, так или иначе, рассматривающих специфику формирования современного религиозного пространства и религиозной самоидентификации индивида. Религиозное мировоззрение индивида как самостоятельно конструируемое трактуется согласно концепцией К. Добеллара (Dobbelaere, 2004: 229-253), совпадающей с результатами автора

(Рязанова, 1998: 126). Этот подход дополняется элементами теории рационального выбора веры Р. Кисалы (Kisala, 2004: 255-274), концепции Т. Асада о месте религии в индивидуальном сознании (Asad, 2008: 124) и идеей И. Боровик об уходе от институциональной религиозности современного верующего (Borovik, 1997: 235-255). Понимание процесса секуляризации как выведения религиозного на индивидуальный уровень сложилось на основе работы К. Митчелл (Mitchell, 2006: 1135-1152).

Для анализа представлений мирян о высшем духовенстве региона нами использованы данные из приблизительно сотни интервью с православными, аффилирующими себя к РПЦ МП и сигнализирующими о собственной религиозности через заявление о собственной религиозной идентичности и участие в церковной и околоцерковной жизни. Полуструктурированное интервью как метод сбора информации на основе качественного подхода было выбрано как позволяющее сущностно понимать процессы религиозной самоидентификации и генерирования религиозного мировоззрения на индивидуальном уровне. Учет глубинных мотивов индивида способствует прояснению факторов формирования и эволюции религиозного сознания верующих благодаря объяснению мотивов действий и намерений через коммуникативное взаимодействие с субъектом. Использование такого подхода в исследовании компенсирует «безликость» количественных методов (Ковалев, Штейнберг, 1999: 23 и далее) и предполагает наличие у исследователя элементов герменевтического вживания в информацию, получаемую от респондента. Вторая немаловажная причина выбора определенных форм интервью заключается в том, что опыт религиозного восприятия информанта остается достаточно абстрактной для него темой, поэтому основная информация черпается в ходе уточнений и расспросов, а не в самостоятельном рассказе респондента (Рязанова, Михалева, 2011: 54). Личный характер интервью гарантирует получение

информации определенной направленности и ее сопоставимость для аналитики. При соотнесении данных нами не учитывались половозрастной состав и уровень образования респондентов. Основной акцент был сделан на том, какой спектр представлений о высшем клире складывается в локальном (в данном случае – пермском, соотнесенном географически с территорией Пермского края) православном сообществе. Хронологически сбор информации проходил в 2016-2018 гг. В сносках тексты интервью атрибутированы через сокращенную фамилию интервьюера.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Для наглядности оценки уровня информированности прихожан пермский церковью укажем, что в постсоветский период предстоятелями церкви области, а потом края, последовательно являлись архиепископ Афанасий (Кудюк) (1984-2002) и епископ Иринарх (Грезин) (2002-2010). В настоящее время Пермскую митрополию возглавляет митрополит Мефодий (Немцов). Митрополия является сравнительно молодой структурой, недавно преобразованной из Пермской епархии, и в настоящее время не преодолела ситуацию организационного реформирования и кадровых перестановок. Обремененный большим количеством обязанностей владыка, находящийся в епархиальном управлении, для мирян становится неким плохо понятным персонажем, чья роль в православной жизни края и города является неочевидной.

В первую очередь об этом свидетельствует разнообразие представлений о том, что, в принципе, представляет собой епископ как часть церковной иерархии. Эти представления не поддаются четкой систематизации, но иллюстрируют многообразие мифосюжетов, возникающих в условиях информационного вакуума. Часть верующих уверенно идентифицирует епископа как священнослужителя, даже на уровне персоналий: «Конечно, я знаю, кто у нас сейчас епископ и кто был до этого. Сейчас у нас митрополит Мефодий, ранее

был епископ Иринарх, а перед ним был архиепископ Афанасий, которого я очень уважала, ценила, как родного отца» (Я-ко); «в Пермском крае сейчас не епископ, у нас митрополит. Митрополит Пермский и Кунгурский Мефодий, до него был епископ Иеринарх, сейчас его отозвали в Москву, у него свой приход, и он занимается по делам, скажем, осужденных» (Л-хов); «я даже знаю, кто был до-до него и до-до-до него. И до-до-до-до него. Сейчас у нас митрополия, митрополит у нас Мефодий. Также у нашей митрополии существует епархия. Епископ на ней сейчас является епископ Никон. Прибыл он у нас из Свердловска. Сейчас нынешняя церковная власть,.. пока что они... Трудно что-то конкретно говорить, хотя уже достаточное время прошло. Ну как бы вроде всё своим чередом идёт» (Мех-на).

Иногда сведения имеют расплывчатый характер, что не вызывает особого сожаления у респондента: «Ой... И... как? И... забываю всё, у него имя на Ирину похоже... блин... Пермский и Соликамский... Ири... Забыла опять. Забыла (посмеиваясь)» (Б-кин); «я (пауза) имени назвать не могу и, если честно, то сильно никогда и не озадачивалась этим вопросом» (П-ов); «а данный момент не знаю» (Ж-нов); «В этом больше разбирается муж, чем я» (Бур-в).

Рядовой верующий готов, чтобы выглядеть достойно в глазах интервьюера, додумать недостающие детали, что временами приводит к казусным умозаключениям, в которых сведения о святых накладываются на современную историю: «Так, в Перми у нас был отец Стефан, он даже был знаком с Сергеем Радонежским, вот. Сейчас у нас этот Мефодий, у нас, здесь, в Перми» (Мих-ва). Впрочем, есть и прямо противоположная позиция: «Знаете ли вы, кто епископ сейчас и кто был до этого? – Да нет, конечно, мне без разницы» (Ал-на).

Иногда у опрашиваемого возникают сложности с пространственной локализацией владыки: «Где? В Пермской области что ли? Или где он епископ то? Я... Я вот не

знаю этого. Тонкостей таких я не знаю, конечно, ... не знаю» (Кр-ва); «а кто у нас Мефодий? (в ответ интервьюер – «Митрополит») ... Пермской епархии. Не знаю. Там иерархия какая-то ... Я понимаю, что он рукоположение принимает. Не знаю, не могу сказать» (Шам-на). Такого рода высказывания содержат в себе прямое указание на невежество по отношению к элементарным представлениям об устройстве той религиозной организации, к которой респондент себя уверенно относит.

Треть опрошенных призналась, что, зная о наличии главы церкви в Перми, никогда не имела информации о том, кто занимал эту должность. Часть прихожан колеблется в правильности своих данных, чаще всего путая епископа с патриархом и указывает соответствующие имена: «(на вопрос респондента о предшественнике нынешнего владыки) Если не ошибаюсь, Алексей ... Могу сказать, что Алексей был очень уже ... это был человек, который был в церкви, весь в церкви» (Тр-на); «Сейчас Кирилл, до этого был Алексей» (Ник-на); «я знаю, что сейчас у нас Святейший патриарх Кирилл, а до Кирилла был Алексей, который мне был более симпатичен, нежели Кирилл» (Коз-ва); «Всея Руси.. Кирилл, это конечно, а до этого был Алексей ... сейчас во главе нашей православной церкви человек очень умный» (Кур-на). В такой ситуации забавной выглядит попытка поправить интервьюера: «В данное время у нас епископом, вернее патриархом, является патриарх Кирилл» (Кин-й); «наш епископ – митрополит Кирилл. Мудрый и рассудительный церковнослужитель. Отношусь к нему с уважением» (Еф-мов).

И в этом случае иногда полной уверенности нет, и корректная информация снова уступает место мифу: «Нет, нет, не знаю (*смеется*). Сейчас, очень жаль. Нет, ну я как ... забыла. Вот его совсем недавно снова у нас показывали, он и с Путиным ... забыла, как зовут (*смеется*) ... Ой ... ну, по моему, Тихон. По-моему, Тихон ... Подольский. Да, вот Тихон Подольский. Да-да-да-

да-да» (Кер-ва); «Ой, у нас сейчас Илларион, по-моему. А сейчас? Илларион был. Сейчас не знаю. Не готовился» (Гул-в); «сейчас епископом является Патриарх Кирилл. А до него был Алексей Второй. Нынешний патриарх мне не очень нравится, но мы их не выбираем, поэтому как-то вот так» (Сес-н); «сейчас, как ни странно, я даже вам скажу католического папу, который у нас, потому что у меня есть родственники. А епископом, боюсь ошибиться, по-моему, Кирилл Второй, нет? Видите, надо исправить пробелы» (Кор-на). Однозначно можно утверждать, что глав епархий среднестатистический верующий знает так же плохо, как и патриарха.

Путаница присутствует и в представлениях о том, кто такой епископ в принципе, в отрыве от локальных реалий. Доминирующей позицией является, опять-таки, отождествление епископа/митрополита с патриархом: «Епископ – это глава как бы ... т. е., ну, сказать по-современному, руководитель над всеми церквями, т. е. он, естественно ... смотрит, где какой церкви, может быть, какая-то помощь нужна, где не хватает ... служителей церкви» (Кер-ва); «епископ – это важный и главный священнослужитель православной церкви» (Мах-ва). Стоит обратить внимание на то, что епископат рассматривается как существенная часть именно православной церкви, хотя это обстоятельство не дает права говорить о наличии развитых представлений о других христианских церквях. Другие варианты ответа на вопрос о том, кто такой епископ, либо поверхностны: «Епископ, насколько я знаю, это священнослужитель в церкви. А чем он занимается, я не знаю» (Ис-ва), либо содержат элементы вербальной модернизации термина – «это менеджер церковный» (Гул-в).

Встречаются варианты ответов, представляющие собой крайнюю степень неосведомленности отвечающего, из которых один можно объяснить низкой ценностью самого образа местного владыки для конкретного верующего – «я вообще не знаю, кто такой епископ» (Кл-ва), поскольку

только девальвированные в своей значимости социальные сюжеты и персонажи становятся неинтересными для обывателя. В условиях пост-атеистического по формальным критериям сообщества эта версия ответа является логически предсказуемой. К издержкам работы системы образования и СМИ, уверенно отводящих время для эзотерических откровений и экстрасенсов можно отнести второй примечательный ответ: «Епископ – это как бы неправославный товарищ» (Ал-на). «Лоскутная» религиозность Добеллара в этом случае становится особенно пестрой. Индивид в своем конструировании мировоззрения отбирает настолько мелкие частицы отдельных религиозных и нерелигиозных систем, что вместо целостного сегмента использует смысловой огрызок, выбранный из соображений внешней привлекательности, удобства использования или привычности восприятия. Эта особенность конструирования представлений об окружающем мире не лишает их носителя возможности самоидентификации с исторически сложившимися системами верований.

Сумбурность представлений о владыке сохраняется и в отношении информированности о том, чем этот не вполне понятный рядовому мирянину персонаж должен заниматься. Поэтому ряд опрошенных честно признается, что информация эта пока недоступна и не особенно нужна для восприятия себя как воцерковленного человека: «если честно, то сильно никогда и не озадачивалась этим вопросом, чем занимается епископ. Ну, только могу предположить и все» (П-ов); «я даже не знаю. Всегда думала, что основные направления развития церкви определяет патриарх. Епископа не знаю, не интересовалась этим вопросом, не могу точно сказать» (Шаб-ва); «это человек, который как-то связан с церковью, работает там или служит, а чем конкретно он занимается, я затрудняюсь ответить» (Як-на); «этот вопрос конечно очень сложный... Но дело в том, что мы не настолько так сказать христиане и епископ наверно, это высокая птица полёта, высокого полёта

птица, и поэтому мы наверно даже не представляем, чем он должен заниматься и что входит в его обязанности. Но я точно знаю, что это должен быть истинно верующий человек» (Кур-на).

Один из опрошенных дает очень резкий ответ на вопрос, по нашему мнению, в некомфортном состоянии от собственного невежества в церковных вопросах: «Это его дело: чем он занимается, пусть тем и занимается» (Ал-на).

В ходе опроса нам встретились две попытки закамуфлировать собственную неосведомленность – через ответ наобум и путем построения сложных стилистически, но пустых в смысловом отношении фраз. Первый респондент уверенно заявил, что в обязанности владыки входит «писать иконы» (Дол-ва), а второй дал наукообразный, бюрократического характера ответ: «У каждого работника, в том числе у духовенства, есть свой функционал, свои функциональные обязанности, соответственно он их и должен выполнять. Если у него в подчинении по функциональным обязанностям есть работники, священники, соответственно они должны выполнять их или не работать» (Кин-й). Два очень отличающихся по форме высказывания герменевтически несут одинаковую смысловую нагрузку: они указывают на необходимость совмещения индивидуальной религиозной жизни с представлениями о церковной иерархии. Предлагаемая для характеристики фигура для этой части верующих формальна и эфемерна, скорее представляет собой условно необходимый компонент отечественного православия, чем его неотъемлемый сегмент.

Неслучайно и в этом случае епископ как некий симулякр иногда функционально отождествляется с главой всей РПЦ МП и наделяется соответствующими полномочиями: «Ну, к нашему патриарху я отнесусь скорее позитивно, нежели чем негативно. Про него также существует огромное количество слухов, как и про других священнослужителей, о чём мы говорили с вами ранее, но я в первую очередь вижу в патриархе человека, который пытается идти на

контакт с представителями других религий, других конфессий. Он также, немаловажно многое делает для реконструкции храмов, реконструкции монастырей на территории нашей страны. Также благодаря его помощи в России появляется возможность привозить иконы, которые обладают целебными свойствами, мощи святых, которые также излечивают людей, которые к ним приходят, и это всё является немаловажной миссией, которую он выполняет» (Сниг-в).

Вместе с тем, стоит признать, что среди прихожан есть те, кто готов компетентно и рационально не только осветить вопрос должностных обязанностей православного епископата, но и дать характеристику ситуации в местной епархии/ митрополии: «Вот это классный вопрос, конечно. Это не должен быть смотрящий какой-то, который будет исключительно выполнять функцию администратора. Сейчас можем пронаблюдать такую тенденцию, что архиереи уже не несут той, вот, допустим как бы, обозначим её в кавычках «дореволюционной архиерейской миссии, архиерейской функции», как бы они не окормляют всю епархию... почему архиерей, архипастырь? Он пастырь всех пастырей. Он должен так же, как священник на приходе, наставлять всех, поучать. Он должен как бы... показывать праведный путь. Так ныне при архипастыре непонятно, вообще, чем занимаются... Они сейчас занимаются... поборами если только. И вот эта функция их, функция пастыря – она стирается в рамках современного мироустройства. Хотя всё тоже зависит от человека. Вот если, допустим, вспоминать о ныне покойном архиерее... архиепископе Афанасии, то этого человека можно назвать поистине представителем епархии. А вот, допустим, если бы будем говорить о современной нашей митрополии. Она сейчас носит какой-то формальный характер. Вот если митрополиту разнарядка сверху из патриархии приходит, допустим, нужно провести мероприятия, посвящённые там... какому-то празднику или ещё что-то, то ему ничего не остаётся, как только давать разнарядку всё ниже и

ниже на приходы и выполнять поручения сверху. Мы уже не говорим о том, что он должен заниматься окормлением священства, окормлением епархии и прочее. Сейчас архиерей – он администратор, а не пастырь, а должен быть пастырем в первую очередь» (Мех-на).

Стоит признать, что и для этой части прихожан епископ представляется очень дистанцированным персонажем, только эта отдаленность имеет другую природу. Неосведомленность здесь уступает место сожалению о бюрократизации церковного аппарата выхолащивании отношений с мирянами, отсутствию продуктивного взаимодействия между клиром и членами приходов: «Епископ должен заниматься непосредственно своими обязанностями, на которые сейчас у него просто не хватает времени, он должен заниматься своей паствой. Вот епархия занимается их духовным воспитанием, а в современном мире епископ – это такое административное лицо, тесно связанное с государством, то есть это управленец-менеджер, у него просто от всех этих встреч с представителями власти, благотворительными фондами и т.д. очень мало остается времени на простых людей. Я считаю, что в связи с тем, что сейчас расширяется количество епископов должно быть именно то, что любой человек может попасть на прием к епископу. Во всяком случае, исповедоваться ему или что угодно такое» (Гиз-на).

Среди пермской паствы встречаются и верующие-интеллектуалы, мечтающие об акценте на духовном развитии православного сообщества и делегирующие правящему архиерею функции духовного руководства: «этот вопрос конечно очень сложный... Но дело в том, что мы не настолько так сказать христиане и епископ наверно, это высокая птица полёта, высокого полёта птица, и поэтому мы наверно даже не представляем, чем он должен заниматься и что входит в его обязанности. Но я точно знаю, что это должен быть истинно верующий человек» (Кур-на); «это ведь ранг, определен-

ный, да. Но он все равно человек. Что значит, вот чем он должен заниматься... Чем занимаются все православные христиане, да, если он в этой вере, католики, если он в той вере, то есть сеять добро изначально, я думаю, что в этом плане, чтобы люди чувствовали себя защищенными, да, чтобы могли... немножко быть какими-то счастливыми людьми в этой жизни, раз мы пришли в нее» (Ф-ва).

Впрочем, и для тех, кто не столь детально углубляется в размышления о предназначении епископов и митрополитов, очень популярным является акцент на просветительской и обрядовой функциях епархии: «Епископ должен заниматься своим непосредственным делом – управлять епархией, просвещать свою паству» (Я-ко); «епископ должен заниматься сохранением веры, должный порядок и уровень» (Жул-в); «ведет, ну, как начальник над священниками. Вот, он занимается духовными делами епархии своей» (Н-ва); «епископ должен управлять делами церкви, совершать богослужения и на них высокий авторитет, чтобы научить христиан православной вере. И они еще как бы имеют право рукополагать священнослужителей, ну кто готовится священниками стать» (Мих-ва); «прежде всего, своей паствой. Первое – просвещение, как священничества, так и своей паствы. Как и устно, например, проповедь на какой-то праздник. Так же и через издательство. Свои книги, брошюры» (Л-хов); «епископ со своими священнослужителями должен служить народу, учить их... учить людей искать путь к богу, учить их быть благородными, добрыми... вот этим должен заниматься епископ...искать путь истины» (Вл-ров); «епископ должен сеять добро и любовь, потому что главное предназначение церкви это любовь к ближнему, это любовь к людям, это, в общем-то, к чему призывает любая религия. Должны через средства массовой информации, через приходы нести людям любовь и веру в лучшее» (В-ва).

Стоит обратить внимание на то, что владыка в этих рассуждениях предстает как

активное начало по отношению к пассивной пастве – он контролирует уровень веры, наращивает авторитет, заставляет прихожан быть хорошими христианами, используя для этого все подручные средства: «Помимо того, что он ведет какую-то праведную работу, он должен духовно что-то размышлять, может, даже писать какие-то духовные статьи. Чтобы людей приобщать к духовному миру. Книги выпускать, должен нести ответственность за всех людей. Должен доносить возвышенность в духовный мир через это» (Бур-в). Ни в одном интервью не встретилось предложений и предположений о сотрудничестве, роли прихода в церковной жизни. Высокий статус духовенства для опрошенных теснейшим образом связан с большим количеством долженствований и соответствий требованию: «Вообще все священнослужители, на мой взгляд, должны нести людям только положительные вещи. Это не должно быть всё коррумпировано, не должно ни в коем случае напоминать бизнес какой-либо. И они должны нести людям знания, библию до них доносить. В общем, знания людям нести» (Лат-ва). Именно клир должен «делать веру доступной для обычных простых людей, которые не знают канонов, которые не воцерквлены, которые не знают старославянского языка. Кирилл приблизил церковь к тому, что она стала более православной, понятней. В первую очередь, это то, что службы пошли на русском языке, потому что это довольно сложно бабушке лет 80-ти понимать церковнославянский язык. Ну, не столь, наверно, интересно посещать церковь, а все-таки родней русский язык, который она понимает. Еще больше привлекает также молодежь, кроме этого маленькие дети, которым все-таки тяжело» (Тр-на). Прихожанина в этом процессе как бы нет, либо он играет роль понуждаемого к получению необходимой религиозной информации реципиента, согласие которого зависит от качества предлагаемого продукта. Эта установка входит в противоречие с низким уровнем религиозной грамотности в настоящее время, но смущает только внешнего наблюдателя.

Впрочем, достаточно распространенным является и сведение деятельности архиерея к управлению разного рода церковными институтами: «это вроде священнослужитель, главный в обрядах» (Мял-на); «насколько я знаю, он делает специальные обряды, которые только он может делать и управляет монастырями» (Пон-ва); «епископ должен заниматься своим приходом, раз господь благословил» (Ник-на); «я думаю, по статусу у него много обязанностей, но, прежде всего, он должен нести службу Богу, держать под контролем и в порядке, подданные ему территории... епископом должен быть образованный и грамотный человек» (Мах-ва); «на него возложено руководство деятельностью всех православных храмов, расположенных на подчиненной ему территории» (Мал-ва); «епископ, то есть наш российский да? Я думаю, что он должен следить за правильным исполнением своих обязанностей ниже подчиненных священников, то есть он координирует их деятельность, он следит за соблюдением всех законов, правил и т. д.» (Хас-ва); «вот я даже не знаю какие у него обязанности, ну, наверное, смотреть за приходом, за приходами ли, он ведь, наверное, все приходы объединять. Епископ ведь какая-то высшая категория-то» (Крас-ва). Весь смысл эти фраз хорошо сходится в одно высказывание: «Чтобы приходы работали» (Гул-в). В некоторых случаях встречается более подробная детализация: «вот где, может быть, построить надо церковь... далекие люди вот просто, бывает что живут, и церковь очень далеко, и хочется вот человеку прийти в храм помолиться, и некуда просто – тут тоже опять же вот это вот всем занимается епископ... ну, вот прежде чем семинарию заканчивают, прежде чем становиться, скажем, каким же вот священником, тут тоже опять же все через епископа... А... проходит, то есть... Грубо говоря, руководитель. Руководитель над всеми (*смеется*) церквями» (Кер-ва); «какой-нибудь храм освятить, на праздники приезжает. Какой-то избранный человек, у которого повы-

сили сан, и он может решать какие-то богословские вопросы. Решать стратегические вопросы. Не особо интересовался, хотя знаю иерархию. Это просто священник с большим опытом, мудрые люди» (Ис-лов). В этой версии пастырских обязанностей владыка из просветителя превращается в завхоза-администратора высокого уровня, занятого сугубо материальными вопросами. Такие земные нужды более понятны с точки зрения обывателя и не требуют образовательной или информационной подготовки.

Достаточно редко в ходе опросов встречались предположения о том, что деятельность высшего клира может выходить за пределы формальных обязанностей и непосредственной заботы о пастве: «К сожалению, вот про епископа, я очень мало знаю, ну вот что, митрополит Мефодий заботится о приходе вот Пермском и Кунгурском, вот это я знаю. Ну, мне кажется у епископа еще какие-то более глобальные задачи, цели и он охраняет, заботится о всех прихожанах» (Реш-ва); «епископ должен заниматься представлением церковью определенного региона» (Тим-ва). Путаница в понятиях «епархия» и «приход», употребление слов «какие-то», «определенный» в сочетании с признанием в наличии малого объема знаний по предложенной к обсуждению теме указывают, что мы снова имеем дело не с отражением в голове верующего реальной ситуации, а слаботекущим процессом мифоконструирования.

Особо хотелось бы выделить одно высказывание, указывающее на влияние секуляризирующих факторов на сознание верующего индивида: «Епископ должен, следить за тем, как мне кажется, чтоб православная церковь не лезла в дела государства, в светские дела» (Сес-н). Примечательно, что это – позиция православного человека, еще раз подтверждающая факт утери церковью значимого места в социокультурном пространстве для значительной части населения. Образ епископа в данном случае является только одной из линз, при помощи которой исследователь смотрит на

рядового верующего как основного потребителя того, что церковь вносит в сферу духовного производства. Предлагаемые паттерны и симулякры имеют слабую связь с реальными процессами в отечественной религиозной жизни, замещая информационные пустоты идеальными конструктами, скорректированными за счет личных представлений каждого отдельного верующего. Поэтому и епископ предстает перед мирянином не как живой человек, а некая совокупность вроде бы религиозных обязанностей и малопонятных атрибутов, нечто среднее между помещенным в историческое прошлое святым и рядовым гражданином, что определяет и сложность отношения к нему как авторитету веры и религиозного поведения.

Сумбурность представлений транслируется на уровень императивности требований высшего клира по отношению к рядовому мирянину в представлениях последнего. На вопрос о том, насколько указания владыки предназначены для исполнения, мнения разделились. Менее 15% опрошенных уверены в том, что «послушание превыше всего» (Я-ко). Аргументацией в этом случае является статус священнослужителя как главы местной церкви: «конечно, наверное, да. Как же!? Все равно ведь как-то он считается руководитель. Считаю, что он все-таки заслуженный человек» (Мих-ва). Иногда к статусу присоединяется требование обязательности послушания как факт отечественной традиции религиозной жизни: «И я считаю, что надо конечно выполнять, что он говорит особенно тем, кто истинно верующий человек, много лет уже из поколения в поколение, когда идет эта вера и естественно, что они даже... у них не стоит такой вопрос – надо ли выполнять это? Они просто выполняют» (Кур-на). В обоих случаях исполнение распоряжений высшего клира не является рационализированным, ответственность в принятии решения перекладывается на коллективный опыт и историческое наследие.

И даже в этом случае современного верующего охватывает сомнение, когда

жизненный опыт подсказывает, что занимаемая должность не является залогом успешности и компетентности руководителя. В такой ситуации снова выручает традиционное мышление и вера в веками устанавливающиеся формальные религиозные авторитеты: «наверно, да, если человек духовный, служит в этом деле, то служит церкви. То, конечно, наверное, нужно подчиняться» (Ис-ва); «наверное, достойного человека выбирают в епископы. Недостойный же не может править целой епархией» (Крас-ва). Гарантом правильности выдвигаемых требований может считаться и соборный характер православия: «я думаю да, но по крайней мере стоит к этому прислушиваться, я думаю, в тандеме со священником» (Им-ва).

Большинство же мирян уверены, что у них есть критерии определения обязательных и не очень требований. Среди критериев на первом месте стоит Священное писание (вне зависимости от того, насколько респондент хорошо его знает и есть ли в регионе авторитетные религиозные деятели для определения соответствия указания свыше Писанию): верными являются распоряжения владыки «не те, что противоречат законам Божьим, Евангелию» (Л-хов); «если они не противоречат законам Божьим» (Ник-на); «только в рамках канона веры» (Жул-в). Другим критерием обязательности является та сфера приложения, к которой относится требование высшего клира: «Если он благословляет, то да, а если он просто посоветовал или сказал, то это уже на свое усмотрение» (Н-ва).

Рядовой мирянин берет на себя ответственность в оценке деятельности епископа/митрополита как пастыря: «если они соответствуют, там, порядку, если от него нет отрицательных..., или еще что-то... Ну, не все стоит. Надо сначала посмотреть, подумать, потом выполнять» (Шес-в), – и допускает должностное несоответствие занимающего должность руководителя митрополии, особенно в вопросах, не связанных напрямую с церковной жизнью: «Если умный, значит, он даёт умные советы, значит,

его надо слушать. А если он... Сейчас очень много разговоров идёт о чипизации, о том, что человек, как бы даже... Карты выдаются всякие и прочее. Тут надо думать над такими вопросами» (Шуй-я); «смотря какие они будут. Ведь он не господь бог. Он также издаёт из каких-то своих соображений. Это так же, как один говорит, что рыбу кушать – это полезно, другой говорит – нет, это вредно, грех. Мы должны принимать это на свое усмотрение» (Тр-на).

В среде прихожан выработана стратегия самоустранения из системы подчинения вышестоящим клирикам, особенно в том случае, если этот священнослужитель воспринимается как умозрительный персонаж. Оправданием неподчинения становится мирской статус респондента, отчетливо представляющий место РПЦ МП в повседневной жизни обычного верующего: «Смотря кто ты. Если ты ... как бы обычный священник, то естественно. А если ты простой православный прихожанин, то слово архипастыря не истина для тебя в последней инстанции. В первую очередь, если ты просто православный прихожанин, ты должен руководствоваться священным писанием, с одной стороны. Но с другой стороны, это писание тебе кто-то должен трактовать, и тут уже я думаю, что... истинный православный человек вырабатывать должен для себя сам. Не без помощи, конечно, своего духовника, но тем не менее. Получается, что если ты священник, то, определённо – да, ты должен исполнять указы своего правящего архиерея, потому что на этом выстроена вся церковная система» (Мех-на). С одной стороны, мирянин отстранен от некоторых сторон литургической деятельности и аспектов церковной жизни, но эта отстраненность оборачивается расширением индивидуальной свободы: «епископ может отлучить от церкви, например, может благословить на брак или запретить повторный, зачастую это сейчас формальная процедура... в его полномочии нет таких функций, что он может приказывать: ты становишься священником... Ты пойдешь туда-то. Этих полномочий просто

по церковным правам у него нет, поэтому все те, которые у него есть, я считаю, что христианин должен исполнять» (Гиз-на).

Предполагаемая модель поведения мирянина выглядит приблизительно так: «если ты человек просто прихожанин, то, естественно, у каждого у нас есть какие-то свои законы, свои дела. И мы можем просто-напросто не попадать в ту, в ту колею, действительно надо только так и... (смеется) не иначе. У нас, естественно... есть какие-то свои обязанности и законы, да и бывает, что мы не исполняем. Конечно же, нет. Тоже все зависит от образа жизни, который человек ведет» (Кер-ва), поскольку «как духовенство – должны, а как люди мы из мирской, то это дело каждого человека – исполнять или нет» (Бур-в).

Среди опрошенных выделилась и группа волонтеров, чье религиозное пространство формируется на основании собственных мировоззренческих позиций: «вера – дело добровольное, почему я должен исполнять все его распоряжения? Что значит все распоряжения? Для кого распоряжения? Для меня лично или...» (Гул-в); «выполнение распоряжений – на усмотрение каждого человека» (Лат-ва). Категоричные высказывания о том, что епископ мирянину вообще не указ (Пон-ва), самое большее, рекомендация («Я, безусловно, прислушаюсь к совету духовного лица, но решать буду сама» (Вол-в)) дополняются пожеланиями секуляризации коллективного и индивидуального религиозного сознания: «Мне кажется, что нашему государству и православным людям изначально, люди должны думать своей головой, да церковь ведёт, но помимо каких-то духовных устоев есть, что-то у каждого своё, поэтому не все приказы должны исполняться» (Сес-н). Это еще один индикатор медленно, но неуклонно разворачивающихся процессов секуляризации. Они не имеют массового характера, реализуются только на индивидуальном уровне, но приводят к постепенному размыванию того, что церковь и ряд исследователей привыкли считать сообществом традиционных верующих.

Заключение (Conclusions). Представления о главе митрополии (епархии), его функционале и соотнесенности этого набора функций с жизнью рядового прихожанина для современного православного составляют незначительную часть картины мира, поэтому не являются, чаще всего, предметом глубокой заинтересованности. Безразличие влечет за собой сохранение информационной неграмотности, иногда инспирирующей процессы мифогенеза. Высший епархиальный клир (как и сам верховный предстоятель РПЦ МП) существуют в другой реальности, которая крайне редко пересекается с пространством слабо развитой, местами эфемерной в условиях большого города, приходской жизни. Верующий в этой ситуации существует один на один с тем, что он полагает для себя священным, и такой характер отношений является не обременительным, а удобным. Атеистическая политика советского государства не привела к уничтожению религиозной жизни, но она создала условия для ее индивидуализации, возможностей конструирования на личностном уровне, с применением принципов интеллектуального и эмоционального бриколажа. Использование подручных средств в этом процессе обеспечило и обеспечивает большую степень закреплённости религиозного в сознании индивида, гарантируя жизнеспособность религии как совокупности идей, вне зависимости от степени успешности ее реализации в институциональных формах.

Список литературы

- Агафонов П. Н. Архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник. 2-е изд., доп. Пермь: изд-во Пермского Петропавловского собора, 1996. 71 с.
- Агафонов П. Н. Духовенство Пермской епархии в 1918-1928 гг. Ч. 1. Пермь: изд-во Пермского Петропавловского собора, 1997. 66 с.
- Агафонов П. Н. Духовенство Пермской епархии в 1928-1965 гг. Ч. 2. Пермь: изд-во Пермского Петропавловского собора, 1997. 75 с.
- Агафонов П. Н. Епископы Пермской епархии в 1918-1928 гг. Век государственного атеизма. Ч. 1. Пермь: изд-во Пермского Петропавловского собора, 1997. 39 с.
- Агафонов П. Н. Епископы Пермской епархии в 1928-1965 гг. Век государственного атеизма. Ч. 2.

Пермь: изд-во Пермского Петропавловского собора, 1997. 39 с.

Агафонов П. Н. Эволюция государственно-церковных отношений в 1920-1929 гг.: на материале Пермской епархии: дис. ... канд. истор. наук. Пермь, 2002. 212 с.

Вяткин В. В. Пермские архипастыри-новомученики. Пермь, 2000. 60 с.

Дубин Б. «Легкое бремя: массовое православие в России 1990-2000-х годов // Религиозные практики в современной России. М., 2006. С. 68- 88.

Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: «Логос», 1999. 384 с.

Коначева С. А. Религиозная ситуация в постсоветской России: особенности процесса секуляризации // Трансформация идентификационных структур в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 82-105.

Марченко А. Н. Епископы пермской епархии эпохи «хрущевских гонений» на Русскую православную церковь (1958-1964 гг.): очерки церковно-государственных отношений. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011. 280 с.

Марченко А. Н. Защитник Отечества и Веры Христовой: жизнеописание подвижника православной веры Александра (Толстопятова), архиепископа Молотовского, Пермского и Соликамского. М.: «Астер», 2005. 148 с.

Марченко А. «Хрущевская церковная реформа»: очерки государственно-церковных отношений (1958-1964 гг.) (по материалам архивов Уральского региона). Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2007. 198 с.

Марченко А. Н. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). М., 2015.

Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917-1922 гг. Пермь: Изд-во ПГПУ, Изд-во УрГУ, 2004. 335 с.

Панченко А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. 2-е изд. М.: ОГИ, 2004. 541 с.

Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Екатеринбург: изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. 382 с.

Прикамский народный собор памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия. Пермь, 2009. 218 с.

Прикамский народный собор памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия. Пермь, 2013. 240 с.

Рязанова С. В. «Вот люди-то там стоят, а ты не можешь»: посещение церкви в современном пермском православном сообществе. Пермь: Изд-во ПГИК, 2018. 172 с.

Рязанова С. В. Диалог Запада и Востока и феномен неоориенталистских культов: дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 1998. 184 с.

Рязанова С. В., Михалева А. В. Феномен женской религиозности в постсоветском обществе: региональный аспект. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011. 240 с.

Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35-45.

Asad T. The Construction of Religion as an Anthropological Category // A reader in the anthropology of religion. Wiley-Blackwell, 2008. Pp. 110-126.

Borovik I. Institutional and private religion in Poland 1990-1994 // New religious phenomena in Central and Eastern Europe. Krakow: Nomos, 1997. Pp. 235-255.

Dobbelaere K. Assessing secularization theory // New Approaches to the Study of Religion. Berlin, 2004. Vol. 2. Pp. 229-253.

Kippenberg H. G. Religious History, Displaced by Modernity // Religions in the Disenchanted World. Numen, 2000. Vol. 47, № 3. Pp. 221-243.

Kisala R. Urbanization and religion // New Approaches to the Study of Religion. Berlin, 2004. Vol. 2. Pp. 255-274.

Mitchell C. The Religious Content of Ethnic Identities // Sociology. 2006. Vol. 40, № 6. Pp. 1135-1152.

Satlow M. L. Disappearing categories: using categories in the study of religion // Method & Theory in the Study of Religion. 2005. Vol. 17, № 4. Pp. 287-298.

Stump R. W. Regional Variations in the Determinants of Religious Participation // Review of Religious Research. 1986. Vol. 27, № 3. Pp. 208-225.

References

Agafonov, P. N. (1996), *Archiepiskop Permskiy i Kungurskiy Andronik* [Archbishop Perm and Kungur Andronicus], 2nd ed., Perm Peter and Paul Cathedral, Perm, Russia. (In Russian).

Agafonov, P. N. (1997), *Dukhovenstvo Permskoy eparkhii v 1918-1928 gg.* [Clergy of the Perm diocese in 1918-1928], P. 1, Perm Peter and Paul Cathedral, Perm, Russia. (In Russian).

Agafonov, P. N. (1997), *Dukhovenstvo Permskoy eparkhii v 1928-1965 gg.* [Clergy of the Perm diocese in 1928-1965], P. 2, Perm Peter and Paul Cathedral, Perm, Russia. (In Russian).

Agafonov, P. N. (1997), *Episkopy Permskoy eparkhii v 1918-1928 gg. Vek gosudarstvennogo ateizma* [Bishops of the Perm diocese in 1918-1928. Century of the state atheism], P. 1, Perm Peter and Paul Cathedral, Perm, Russia. (In Russian).

Agafonov P. N. (1997), *Episkopy Permskoy eparkhii v 1928-1965 gg. Vek gosudarstvennogo ateizma* [Bishops of the Perm diocese in 1918-1928. Century of the state atheism], P. 2, Perm Peter and Paul Cathedral, Perm, Russia. (In Russian).

Agafonov, P. N. (2002), "Evolution of the state and church relations in 1920-1929: on material of the Perm diocese", Ph. D. Thesis, Perm, Russia. (In Russian).

Vyatkin, V. V. (2000), *Permskie arhipastyri-novomucheniki* [Perm arch-flamens new martyrs]. Perm, Russia. (In Russian).

Dubin, B. (2006), "Easy burden: mass Orthodoxy in Russia of the 1990-2000th years", in *Religioznye praktiki v sovremennoy Rossii* [Religious practices in modern Russia], Moscow, Russia, 68-88. (In Russian).

Kovalyov, E. M. and Shteinberg, I. E. (1999), *Kachestvennye metody v polevyh sotsiologicheskikh issledovaniyah* [Qualitative methods in field sociological researches], Logos, Moscow, Russia. (In Russian).

Konacheva, S. A. (2001), "Religious situation in Post-Soviet Russia: features of the process of laicization", in *Transformatsiya identifikatsionnyh struktur v sovremennoy Rossii* [Transformation of identification structures in modern Russia], Moscow public scientific fund, Moscow, Russia, 82-105. (In Russian).

Marchenko, A. N. (2011), *Episkopy permskoy eparkhii epokhi «khrushchevskih gonimiy» na Russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' (1958-1964 gg.): ocherki tserkovno-gosudarstvennyh otnosheniy* [Bishops of the Perm diocese of an era of "Khrushchev's persecutions" on Russian Orthodox Church (1958-1964): sketches of the church and state relations], PSU, Perm, Russia. (In Russian).

Marchenko, A. N. (2005), *Zashchitnik Otechestva i Veri Hristovoy: zhizneopisanie podvizhnika pravoslavnoy veri Aleksandra (Tolstopyatova), arkhiepiskopa Molotovskogo, Permskogo i Solikamskogo* [Defender of the Motherland and Vera Khristova: a biography of the devotee of orthodox belief Alexander (Tolstopyatov), archbishop Molotovskiy, Perm and Solikamsk], Aster, Moscow, Russia. (In Russian).

Marchenko, A. N. (2007), «Khrushchevskaya tserkovnaya reforma»: ocherki gosudarstvenno-tserkovnyh otnosheniy (1958-1964 gg.) (po materialam arkhivov Ural'skogo regiona) ["Khrushchev's church reform": sketches of the state and church relations (1958-1964) (on materials of archives of the Ural region)], PSU, Perm, Russia. (In Russian).

Marchenko, A. N. (2015), *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v godi Velikoy Otechestvennoy voyny (1941-1945)* [Russian Orthodox Church in days of the Great Patriotic War (1941-1945)]. Moscow, Russia. (In Russian).

Nechaev, M. G. (2004), *Tserkov' na Urale v period velikih potryaseniy: 1917-1922 gg.* [Church in the Urals in the period of great shocks: 1917-1922] PSPU, USU, Perm, Russia. (In Russian).

Panchenko, A. A. (2004), *Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Hristovshchina and skopchestvo: Folklore and traditional culture of the Russian mystical sects], 2nd ed., OSE, Moscow, Russia. (In Russian).

Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: istoriya i sovremennost' [Orthodoxy in the fate of the Urals and Russia: history and present] (2010), Yekaterinburg diocese, Ekaterinburg, Russia. (In Russian).

Prikamskiy narodny sobor pamyati ravnoapostol'nyh Kirilla i Mefodiya [Kama national cathedral of memory of Kirill equal to the apostles and Mefodiy], (2009), Perm, Russia. (In Russian).

Prikamskiy narodny sobor pamyati ravnoapostol'nyh Kirilla i Mefodiya [Kama national cathedral of memory of the equal to the apostles Kirill and Mefodiy], (2013), Perm, Russia. (In Russian).

Ryazanova, S. V. (2018), «Vot lyudi-to tam stoyat, a ty ne mozhesh'»: poseshchenie tserkvi v sovremennom permskom pravoslavnom soobshchestve [“Here people stand there, and you can't”: visit of church in modern Perm orthodox community], PSIC, Perm, Russia. (In Russian).

Ryazanova, S. V. (1998), “Dialogue of the West and East and the phenomenon of neoorientalist cults”, Ph. D. Thesis, Perm, Russia. (In Russian).

Ryazanova, S. V. and Mikchaleva, A. V. (2011), *Fenomen zhenskoy religioznosti v postsovetskom obshchestve: regional'ny aspect* [Phenomenon of female religiousness in Post-Soviet society: regional aspect], PSU, Perm, Russia. (In Russian).

Filatov, S. B. and Lunkin, R. N. (2005), “Statistics of the Russian religiousness: magic of figures and ambiguous reality”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (6), 35-45. (In Russian).

Asad, T. (2008), “The Construction of Religion as an Anthropological Category” in *A reader in the anthropology of religion*, Wiley-Blackwell, United States 110-126.

Borovik, I. (1997), “Institutional and private religion in Poland 1990-1994”, in *New religious phenomena in Central and Eastern Europe*, Nomos, Krakow, Poland, 235-255.

Dobbelaere, K. (2004), “Assesing secularization theory”, *New Approaches to the Study of Religion*, 2, 229-253.

Kippenberg, H. G. (2000), “Religious History, Displaced by Modernity”, *Religions in the Disenchanted World*, 47 (3), 221-243.

Kisala, R. (2004), “Urbanization and religion”, *New Approaches to the Study of Religion*, 2, 255-274.

Mitchell, C. (2006), “The Religious Content of Ethnic Identities”, *Sociology*, 40 (6), 1135-1152.

Satlow, M. L. (2005), “Disappearing categories: using categories in the study of religion”, *Method & Theory in the Study of Religion*, 17 (4), 287-298.

Stump, R. W. (1986), “Regional Variations in the Determinants of Religious Participation”, *Review of Religious Research*, 27 (3), 208-225.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра УрО РАН

Svetlana V. Ryazanova, Doctor of Philosophy, Leading Research Fellow, Perm Scientific Center of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences.